

связи с наречиями Галичины // Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край. СПб., 1872. Т. 7.

¹⁹ *Соболевский А. И.* Очерк русской диалектологии. III: Малорусское наречие. СПб., 1892.

²⁰ *Ганцов Вс.* Діалектологічна класифікація українських говорів. Київ, 1923.

²¹ *Савельев П.* Об отличительных признаках и наречиях русского, языка по системе Н. И. Надеждина // ЖМНП. СПб., 1857. Ч. 93. С. 303.

²² *Wagilewicz I.* Grammatyka języka małomskiego w Galicji. Lwów, 1845.

²³ *Срезневский И. И.* О древнем русском языке // Изв. ОРЯС ИАН. СПб., 1856.

²⁴ См.: *Ляпунов Б. М.* Несколько слов о говорах Лукояновского у. Нижегородской губ. // Живая старина. 1894. Вып. 1.

²⁵ СпбО Архива РАН, ф. 134, оп. 3, ед.хр. 1758.

²⁶ Там же, ед. хр. 180, л. 25 об.

²⁷ Там же, л. 32.

²⁸ Архив РАН, ф. 588, оп. 4, ед.хр. 365, л. 21.

Л. М. Кольцова

ПУНКТУАЦИОННЫЕ СРЕДСТВА У В. И. ДАЛЯ: ТОЛКОВАНИЕ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ

Создатель мой! Для чего люди не пишут запросто, как говорят, и выбиваются из сил, чтобы исказить и язык и смысл! Почему и за что проклятье безграмотства доселе еще тяготеет на девяти десятых письменных?..

Казак Луганский. Бедовик.

В. И. Даль дает термин “знаки препинания” в словарной статье слова “знак” “Толкового словаря живого великорусского языка” и определяет его следующим образом: знаки препинания — “знакоположение грамоты, письма”, где “знакоположение есть совокупность, система знаков какой-либо науки”¹.

Это определение по своей сути и глубине вполне соответствует духу и букве современной пунктуационной теории, поскольку содержит в себе по крайней мере две важные идеи: положение о системном характере русской пунктуации и констатацию того факта, что письменные знаки — результат научного осмысления

письменной формы языка и продукт длительной и серьезной лингвистической работы.

В словаре В. И. Даля с разной степенью подробности определяются десять знаков препинания, составляющих основной корпус, ядро русской пунктуации.

В трех случаях название знака препинания является заглавным словом словарной статьи, а лингвистическое (терминологическое) значение слова — основным значением: “точка”, “тире” и “кавычки” (“кавыка”, “кавычки”). Все остальные толкования даются в рамках словарных статей, позволяющих соотнести значение терминологическое с широким кругом значений родственных слов. Так, мы обнаруживаем, что “запятая” связана с глаголами “запинать”, “запаять”, “запать”, “запнуть”, существительными “запон” и “запонка” и др. И эта связь значений шутиливо подтверждается поговоркой: “Где чихнулось — запятая; где икнулось — двоеточие, где табаку понюхать — точка”.

В толкованиях знаков В. И. Даль, как правило, воспроизводит графический вид знака, указывает на его смысловое назначение и иногда — на его грамматическую функцию.

Так, “точка” определяется как “знак препинания, ставимый *в конце речи*, содержащей общий смысл”;

“двоеточие” — знак, “за которым следует дополнение или объяснение предыдущего”;

“тире” (или “черта”) — “будто бы писатель призадумался тут, или требует догадки, дополнения пропуска”;

“точка с запятой” — “строчный знак, определяющий члены в периоде”.

“Период” автор словаря определяет как “целую, полную мысль в одном или нескольких связных предложениях”.

Интересен тот факт, что вопросительный и восклицательный знаки имеют в словаре однословные наименования женского рода: “восклицательная” и “восклицательная, или удивительная”.

В. И. Даль зафиксировал в словаре влияние особенностей оформления письменной речи на устную форму выражения: объясняя термин “скобки”, он приводит пример: “”Это в скобках”, говорят, упомянув устно в речи о чем-то постороннем”, а в толковании понятия “кавычка” дает пример: “Тут есть кавычка, помеха, заминка, препятствие”.

В словаре есть устаревшие слова, называющие некоторые способы графического оформления текста: “отточить” письмо, слово, т.е. “отбить точками, отметить, ставя точки”; “точить” — отбивать, означать точками; “красное слово” — “написанное

от строки и отличным почерком, печатью”. Само сочетание “красная строка” имеет два определения: это “отставка на письме” (абзацный отступ) и сейчас забытое — “вся прописная, заголовок, или новая”, причем именно это определение возвращает сочетанию “внутреннюю форму”, делает его понятным.

Любопытные сведения можно найти в словаре и о различного рода шрифтовых выделениях, которые включаются сейчас большинством лингвистов в состав пунктуационных средств в качестве так называемой “пунктуационной периферии” (эта точка зрения представлена в работах А. А. Реформатского, Б. С. Шварцкопфа, Н. Л. Шубиной и мн. других).

Довольно подробно описав, как делаются шрифты, В. И. Даль перечисляет название наборов: “строчный, обычный набор: цицеро, и к нему *косой, курсив, курсик*; прописной или крупный: *корпус*, разных названий: *английский, долгий, черненький, толстый, египетский* и пр., затем мелкий: *петит* и *косой петит*, коего малейший вид *бриллиантовый*, на обороте наших ассигнаций”.

Те общие представления о знаках препинания, которые нашли отражение в “Толковом словаре живого великорусского языка”, безусловно, сложились и на основе собственной писательской практики В. И. Даля. У него, как у всякого оригинального и самобытного автора, были свои излюбленные приемы пунктуационного оформления текста. При первом взгляде на графический облик текстов повестей, рассказов, сказок Казака Луганского сразу замечаешь такой выразительный прием привлечения особого внимания к словам и словосочетаниям, как шрифтовое выделение слов (при помощи курсива).

Чаще всего писатель использует шрифтовое выделение в тех случаях, когда вводит в повествование “местные”, т.е. диалектные слова. Необычайно уважительное отношение В. И. Даля к своим читателям проявляется в том, что он дает обязательный, подробный комментарий к *каждому* новому и необычному слову. Вот как, например, поясняет автор диалектные слова в рассказе “Уральский казак”²:

Итак, пробуждение природы, которое мы, не зная по-русски, взяли из словаря иностранного и назвали инстинктом, слово, впрочем, очень приятное, — Маркиан Проклятов, не зная ни по-французски, ни по-немецки, называет побудкой.

Попутно заметим, что в этом объяснении диалектного слова В. И. Даль сумел отметить и глубину понимания сложных явлений природы, и способность народа найти для них подходящее

слово, т.е. вывести мысль в “светлое поле сознания”, и обнаружил вполне лояльное отношение к “чужому” слову:

И добро и худо, и нужда и довольство живут *голмянами*, как выражался казак наш, то есть порою, временами, полосую.

Они ходят гулять на *синчик*, в *сёльковой субёнке*, а *синчок* называется у них первоосенний лед, до пороши.

В небольшом рассказе “Говор” В. И. Даль, без ложной скромности говоря об “основательности своих познаний по части отечественного языковедения”, приводит примеры “народного говора, который различается так резко и ясно для привычного уха не только в разных губерниях и уездах, но даже иногда в близких, соседних полосах”:

Разве лихо возьмет литвина, чтобы он не *дзекнул*? Хохол у *саду* (в саду) сидит, в себя (у себя) госит; и по этому произношению, как и по особой певучести буквы *о*, по надышке на букву *г*, вы легко узнаете южного руса; курянин *ходить* и *видить*; москвич *владеет* и *балагурит*, владимирец *владеет* и *бологурит*; но этого мало: в Ворсме говорят не так, как в себе Павлове, и кто наострит ухо свое на это, тот легко распознает всякого уроженца по местности...

Но как автору Казаку Луганскому явно не приходилось рассчитывать на такое же внимательное, чуткое, глубокое отношение к слову, каким обладал он сам. Поэтому и прибегает он к разнообразным средствам введения, выделения, объяснения слов, в той или иной степени новых для языка литературы того времени. Это в полной мере относится и к такому роду слов, которые можно квалифицировать как жаргонизмы, лексические или семантические, и к словам с какими-либо индивидуально-авторскими особенностями. Вот несколько примеров:

У нас принимаются вообще три степени этого отвлеченного состояния: *с воздержанием*, *с расстановкою* и *с расположением*; при первой степени одержимый может еще пройти подле стенки, придерживаясь за нее; при второй, с расстановкою, может идти, если двое поведут его под руки, а третий будет расставлять ноги; при последней же степени, с расположением, одержимый располагается где случится, где припадок захватит его врасплох, и, растянувшись во весь рост, лежит бесчувственно, так что никакие силы не могут более воздвигнуть его на ноги (“Денщик”).

Даже весь порядок на ямах, эти запутанные очереди иди *круга*, как называют их ямщики, потом бесконечные споры, крик, шум, жеребья, кусанье или меченье гроши и мерянье по постромкам, передачи или столь известные *слазы*, которые состоят в том, что при каждом колокольчике сбегается десятка два-три ямщиков и, решив после долгого спора, за кем очередь, начинают торговаться, продавать и покупать седока, — все это может истощить терпение самого кроткого, миролюбивого человека (“Бедовик”).

Я просто *бедовик*, толкуй всяк слово это как хочет и может, а я его

понимаю. И как не понимать, коли оно изобретено мною и, по-видимому, для меня? Да, этим словом, могу сказать, обогатил я русский язык, истолковав на деле и само значение его! (“Бедовик”).

Особенности речи разных социальных кругов отмечаются, комментируются и визуально представляются в тексте произведений В. И. Даля, который таким образом проводит жёсткую границу между речью автора и речью своих персонажей, выражая свое отношение к ней, нередко шутливо-ироническое, как, например, а таком контексте:

Это, позвольте видеть, особенное сословие малиновских жителей, необходимое и полезное, как мха и рожки и сытовая роса для урожая, как червоточина в яблоке. Это, собственно, так называемые *вдовушки*, а иногда они называют себя также *сиротами*... Они теперь стараются быть *вхожими* кой в какие дома,

где в речи их обитателей слова посидеть, отношения, испуг, беспокойство, место, жалованье и мн.др. имеют специфическое значение и заслуживают авторского замечания.

Наблюдения за использованием собственно знаков препинания в текстах произведений В. И. Даля показывают, что и в этой сфере он, без всякого сомнения, обнаруживает оригинальность, стилистическое своеобразие и мастерство. Так, характерным приемом, способом компановки высказывания писателя можно считать построения, которые включают в текстовый фрагмент “от точки до точки” (от одного “конечного” знака до другого) разные по цели высказывания, по модальному качеству, по структурно-грамматическим характеристикам, прагматическим свойствам предложения, но составляющие неразрывной, целостный смысловой комплекс (вспомним определение “точки” в словаре В. И. Даля). Знаком “первого ранга” в этих фрагментах является знак “точка с запятой”, выполняющий на границе между предложениями функцию интеграции, репрезентации “общего смысла речи”. Построения такого рода можно и определить как “интегральные”. “Интегральные” высказывания (фрагменты, “сценарии”) характерны для повести “Бедовик” (курсив мой. — Л. К.):

Всякому, без сомнения, глупость эта надоела не меньше моего, а каждый связан и опутан этими тенетами и пеленками условных приличий; спрашиваю: можно ли принять с повального согласия общее правило и постановление, которое всем вообще в тягость и никому не приносит пользы?

Он был того мнения, что девицы все милы, все любезны, потому, собственно, что они девицы; что на них смотреть должно вовсе с иной точки зрения и на одну доску с другими людьми не ставить; почему? — потому что они — ундины; свойства и качества придут со временем, когда придет душа.

Вновь приезжая барыня, или, как ее называют, дама, — а почему бы не

краля? — обязана объехать все тридцать восемь домов, составляющие высшее общество города; младшие по чину, званию, богатству и значению в обществе спешат на другой же день засвидетельствовать ей своё почтение и готовность служить — на первый случай столиком, парой стульев, ухватом, кочергой; равные побывают в течение какой-нибудь недели, а чем барыня выше и почетнее, тем далее откладывает она свое обратное посещение.

Интересно, что практически во всех фрагментах, построенных по такому типу, писатель описывает то, что он называет “лицевой стороной” отношений в обществе, “собственно внешнюю жизнь” и одновременно — отношение к ней героя и свое, авторское отношение. Это многоголосье и создает объемность, глубину, многомерность текста, его неповторимую “оркестровку”.

Еще одна “пунктуационная примета” художественного стиля В. И. Даля заключается в том, что он нередко использует знак препинания для указания на смысловую связь предложений, оформленных как вполне самостоятельные, т.е. после “конечного” знака перед прописной буквой:

И истинно; жена не гусли; поигравши, на стенку не повесишь, а с кем под венец, с тем и в могилу, — приглядишь, приноровишь, а потом женишь; примерь десять раз; на горячей кляче жениться не ездят! Все это и справедливо и хорошо, но иногда дело как будто наперед уже слажено, а суженого и на кривых оглоблях не объедешь! (“Сказка о Иване Молодом Сержанте...”)

Пробежал заяц косой... экий куций проказник! Ну, а как бы ему еще да лисий хвост? — И долго смеялись зайцу, а заяц уже бог весть где! (“Сказка о Шемякином суде...”)

Судья Шемяка подумал, да и рассудил: чтобы кума заплатила протори, убытки и горшки соседки, за то, что парня криво на клячу посадила. — Где суд, там и расправа; мы проволоочки не любим! Деньги на стол, кума, да и ступай домой! (“Сказка о Шемякином суде...”)

Этот чисто текстовый знак позволяет создавать как бы замкнутые цепочки, превращать линейный ряд предложений в замкнутый смысловой круг. Такую же функцию, на наш взгляд, выполняет и тире внутри сложного предложения перед сочинительными союзами, где обычно используется нормативная запятая:

Вот кошка! Гладок, мягок, хоть ошупай его кругом, кланяется всем, даже и мне, гибок и увертлив, ластится и увивается и сладко рассуждает Хвостов, а когти в рукавицах про запас держит... (“Бедовик”).

...Иванов меня обманул, уверив, что она уехала в Крым, — и все это и сотня других неожиданных, маловажных и бедненьких случайностей сошлись и столкнулись над бедной моей головой... (“Бедовик”).

Я боюсь, не перенести бы мне к вам, в семейство ваше, мою судьбу-гонительницу, — а это бы меня убило! (“Бедовик”).

Не захотел отдать ему Иван сокровища своего заветного, плодов поисков, трудов и походов неимоверных, — а тот не взял даром, так взял

всемером; помощники, которым, как мы уже видели, числа нет, явились по мановению повелителя своего, воздух и небо затмили множеством своим (“Сказка о Иване Молодом сержанте...”).

За грехи тяжкие Господь нас карает; ныне малый хлеб ест, и крестного знамения сотворити не знает — а большой, правую крестится, а левую в чужие карманы запускает! (“Сказка о Иване Молодом сержанте...”)

В целом, художественные тексты В. И. Даля обнаруживают очень высокую степень пунктуационной связанности компонентов, поскольку сильные позиции фиксируются знаками такого рода, в которых объединяющая функция превалирует над функцией разделительной. Всю индивидуально-авторскую систему этого типа можно определить как композиционную интегрирующую систему. И это вполне соответствует той характеристике, которую дал творчеству В. И. Даля В. Г. Белинский, когда писал о том, что “В. И. Луганский создал себе особый род поэзии, в котором у него нет соперников. Этот род можно назвать *физиологическим*”, в нем воспроизводится действительность “во всей ее истине”, а физиология, как известно, раскрывает законы функционирования организма **как целого в его единстве** (выделено нами. — Л. К.) и взаимодействии с окружающей средой. Целостность и единство — характернейшие черты стиля В. И. Даля и на пунктуационном уровне. Графическая (пунктуационная) сторона авторского почерка выдающегося подвижника русского языка и талантливого писателя, вне всякого сомнения, заслуживает большого, глубокого и серьезного исследования, которое мы обозначили лишь пунктирно, отдавая дань уважения Человеку и Ученому, внесшему неоценимый вклад в борьбу с “проклятием безграмотства”³.

¹ Здесь и далее используется материал издания: *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1989—1991. Т. 1—4.

² Здесь и далее цитаты даются по изданию: *Даль В. И.* (Казак Луганский). Избр. произв. М., 1987.

³ *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч. М., 1956. Т. 9. С. 398—399.

Т. Г. Струкова

В. И. ДАЛЬ — МОРЯК, ПИСАТЕЛЬ, ЭНЦИКЛОПЕДИСТ

В 2001 г. в Санкт-Петербурге отметило свое 300-летие старейшее учебное заведение России — Военно-морская академия Пет-